

Дверь закрылась. Стоило Лейвину обернуться, как драконье яйцо с шуршанием выкатилось из-под одеяла, и из него показалась крошечная макушка.

До чего же сообразительный малыш — сразу смекнул, что выползать можно только тогда, когда чужие уйдут.

Почувствовав невольное облегчение, Лейвин присел на край постели, бережно устроил яйцо у себя на коленях и ласково погладил чешуйчатую макушку.

Яйцо сердито качнулось, будто малыш был совсем не рад этим нежностям.

— Дубиду, — тихо позвал Лейвин. — Нане нужно уйти сегодня днём. Тебе придётся побыть дома одному.

На самом деле у него на душе было беспокойно. Оставлять кроху без присмотра казалось чистым безумием: в доме полно углов, а этот сорванец сейчас в том самом возрасте, когда хочется везде сунуть свой нос. Он запросто мог откуда-нибудь свалиться, удариться или, что ещё хуже, улучшить момент и выскользнуть на улицу. Но взять дракончика с собой на охоту — значит обречь себя на постоянный, сводящий с ума страх.

Сидящему в скорлупе Ланьдуну было невдомёк, отчего эльф так сокрушается. Дракончик изнывал от голода и всем своим существом жаждал получить хоть немного того тёплого козьего молока.

«Смерть как хочется есть! — мысленно ворчал дракончик. — Ещё немного, и я просто умру с голоду!»

Яйцо отчаянно заёрзало и закаталось по коленям Лейвина.

[Дракончик так мило ластится! Прелесть какая! qwq] — радостно отозвался Система. Ему казалось, что лёд между малышом и его опекуном наконец-то тронулся.

Но стоило ему договорить, как яйцо тут же замерло. Более того, дракончик внутри плотно свернул хвост и тихонько, презрительно фыркнул.

[... QAQ]

[Да он же типичный цундэрэ!]

Для подстраховки Лейвин приготовил еды с запасом — сразу на два дня. Чтобы уберечь малыша от падений с высоты, эльф обустроил ему гнёздышко прямо на полу: постелил мягкие одеяла, насыпал свежих, приятно пахнущих листьев и положил рядом два самодельных мячика с бубенчиками внутри.

Только когда всё было готово, Лейвин решился выйти за порог, предварительно несколько раз проверив, надёжно ли заперты окна и двери. Отойдя от дома на добрый десяток шагов, он всё же не выдержал, повернул назад и заглянул в окно. Дракончик, судя по всему, успел подкрепиться и теперь увлечённо гонял яйцо по полу, пиная бубенчики. По комнате разносился весёлый, чистый перезвон.

Лейвин и подумать не мог, что сорванец поймает его на подглядывании. Но яйцо вдруг покатилося к окну и остановилось прямо напротив эльфа. Малыш сам, по собственной воле, шёл ему навстречу.

Сердце Лейвина сжалось. Ну как теперь уйти и оставить его здесь?

С луком за плечами эльф стоял у окна, чувствуя, как к горлу подступает комок. Нежность мешалась с щемящей тревогой. Время поджимало — охотники вот-вот соберутся на площади. Лейвину оставалось лишь присесть на корточки и легонько, через стекло, коснуться пальцем скорлупы, прощаясь со своим Дубиду.

На самом деле Ланьдун просто рвался наружу — исследовать этот мир. Но упрямый ушастый наотрез отказался брать его с собой и запер в четырёх стенах, что страшно злило дракона.

Яйцо сиротливо замерло у стекла. Проводив удаляющуюся фигуру хмурым взглядом, малыш уныло покатилося обратно в центр комнаты.

Рядом с ковриком высилась гора молочных пирожных, заботливо разложенных на широком блюде. Маленькие аккуратные кубики манили белизной и розоватым румянцем.

Ланьдун решил излить обиду в еду. Высунув наружу крохотную когтистую лапку, он осторожно ткнул ближайший белый кубик.

— Тяф! — пискнул он от удивления.

Текстура оказалась невероятной. Кусочек пружинил под когтями, колыхаясь, словно нежнейшее желе, — мягкий, скользкий и податливый.

Раз уж дома никого не было, дракон отбросил всякое стеснение и принялся за пиршество. Белые кубики таяли на языке чистыми сливками. В розовые, судя по всему, добавили сок каких-то лесных ягод, придавших угощению приятную кислинку. Кисловатый вкус Ланьдуну тоже понравился, но сливки всё же лидировали.

И всё же, решив скрыть свои гастрономические слабости (мало ли, вдруг этот эльф начнёт его контролировать), дракончик решил для начала прикончить все ягодные.

Сгребая когтями сразу по несколько штук, он набивал пасть до отказа, смешно раздувая щёки, и с трудом сглатывал сладкую массу. Покончив с розовыми, он наконец-то приступил к сливочным. Эти пирожные, приготовленные на чистом молоке, идеально подходили под размер его пасти — один кубик на один укус. Они таяли во рту мгновенно, оставляя нежное послевкусие.

[Вы съели: Молочное пирожное x20. Получено опыта: +20]

[Предмет «Молочное пирожное (классическое)» добавлен в Кулинарный справочник дракончика]

[Получено достижение: «Общество чистых тарелок»]

[Ого, малыш, ты смёл всё до последней крошки! Ну ты даёшь!] — восхитился Система.

— Ик!

Дракончик шумно икнул, отчего всё его крохотное тело подбросило вверх.

Он не просто наелся — он объелся так, что пузо теперь напоминало тугой барабан. До чего же нелепое детское тело! Ему казалось, что он едва прикоснулся к еде, а желудок уже полон...

[Э-э-э... малыш... QAQ я тут кое-что вспомнил...]

— Ик? — дракончик снова подпрыгнул и недоумённо завертел головой.

[Кажется, твой опекун перед уходом говорил...]

[Что это была порция на два дня... qwq]

Ланьдун застыл с немым вопросом в глазах.

Желающих вступить в охотничий отряд деревни Сино оказалось удручающе мало.

Объяснялось всё просто. Во-первых, охота на медведя — дело смертельно опасное, и ни один

здравомыслящий крестьянин не станет рисковать головой ради пустой похвальбы. Тот же местный задира Альп ни за что не согласился бы ввязаться в подобное. Во-вторых, в мирной сонной деревеньке, где народ привык к размеренной жизни, способных на такое дело мужчин можно было пересчитать по пальцам. То, что старосте вообще удалось собрать хоть кого-то, уже считалось чудом.

Именно поэтому награда за голову зверя была баснословной.

Капитанский пост занял Грей — мужчина косая сажень в плечах и единственный в отряде, кто уже имел дело с медведями. Его таверна «Золотой медведь» как раз и получила своё название в честь того давнего подвига, хоть с тех пор у Грея уже изрядно прибавилось седины.

— Надеюсь, все помылись? — сурово осведомился Грей.

Перед выходом на охоту каждый обязан был искупаться в отваре из кедровой хвои — считалось, что этот запах надёжно маскирует человеческий дух от чуткого медвежьего носа.

— Чисты как стёклышко! — бодро отозвались молодые парни, у которых в глазах так и горел задор.

Один лишь Лейвин стоял молча, поправляя тетиву лука и нахмутив тонкие брови.

Подошедший Ричи негромко спросил его на ухо:

— Оставил Дубиду одного?

Лейвин прерывисто вздохнул и ответил едва различимым шёпотом:

— Я схожу с ума от беспокойства. Надеюсь только, что мы покончим со всем как можно быстрее.

Грей лично обнюхал каждого и с удовлетворением констатировал, что от господина эльфа «несёт чистым лесом пуще остальных». Ребята тут же прыснули со смеху:

— Ещё бы! Наш эльф ведь живёт отшельником, почитай, из чащи и не вылезает!

— Небо хмурится, скоро хлынет дождь. По коням, шевелись! — зычно скомандовал Ричи.

Отряд углубился в лесную темь как раз к наступлению сумерек. Но удача им не улыбнулась.

Какие бы старые охотничьи уловки ни применял Грей, выманить зверя не удавалось. К тому же небо прорвало — зарядил унылый холодный дождь, усложняя и без того непростую задачу.

— Эх, сейчас бы в тёплую постельку... — уныло бубнил один из добровольцев, пока они мокли под деревом. — Да чарку подогретого бренди сверху. Вот это была бы жизнь!

Даже сидя в засаде под ледяными каплями, деревенские парни умудрялись безостановочно чесать языками, словно вышли на обычную прогулку.

— Терпеть больше не могу! — в сердцах вскричал веснушчатый парень. — Да когда же этот проклятый ливень кончится?!

Лейвин был согласен с ним на все сто процентов.

Вслушиваясь в шорохи засыпающего леса, эльф то и дело возвращался мыслями к оставленному дома дракончику. Стена дождя надёжно отрезала их друг от друга, а тьма сгустилась настолько, что едва можно было разглядеть собственную ладонь. Дубиду впервые ночевал один. Не испугался ли он грозы? Смог ли уснуть?

Внезапно веснушчатый недотёпа, сидевший напротив, умудрился вытащить трубку и, прикрывая её горстью мокрых листьев, чиркнул огнём. Заметивший это Грей чуть не подпрыгнул на месте от ужаса.

— Идиот! — яростно прошипел он, указывая пальцем на парня. — Туши живо!

— Да ладно тебе, всё равно этот косолапый носа не кажет, а ночь длинная... — недовольно проворчал веснушчатый, торопливо забивая табак обратно.

Но было уже поздно.

Огромный чёрный силуэт вырос прямо за его спиной бесшумно, словно набежавшая грозовая туча. В следующее мгновение лес содрогнулся от оглушительного, утробного рёва, от которого кровь стыла в жилах.

Веснушчатый оцепенел, парализованный диким ужасом. Если бы Лейвин не среагировал мгновенно, сбив глупца с ног и откатившись вместе с ним в грязь, парень тут же превратился бы в кровавое месиво.

В ту же секунду вся напускная храбрость деревенских воителей испарилась. С истошными воплями они бросились врассыпную. На поле боя остались лишь трое: Лейвин, Ричи и Грей.

— Лейвин! — взревел Ричи, обнажая клинок и бросаясь наперерез зверю, чтобы отвлечь его

внимание на себя.

Лейвин коршуном взлетел на нижнюю ветку раскидистого ясеня. Серебряный лунный свет скользнул по его изящной фигуре. Пальцы привычно наложили стрелу на тетиву, прицел замер на лохматой груди чудовища.

Грей и Ричи так и замерли на миг от изумления: они и не подозревали, что тихий эльф-отшельник обладает повадками заправского убийцы. Каждое его движение дышало смертоносной грацией.

Свист рассекаемого воздуха — стрела сорвалась с тетивы!

И... пролетела мимо.

Даже сам медведь на долю секунды опешил, глядя на воткнувшийся в землю в паре дюймов от его лапы наконечник. Но именно этого замешательства Лейвин и ждал. Сорвавшись с ветки, он камнем рухнул вниз, оседлав разъярённую тушу.

Зверь взвился на дыбы, безумно мотая головой и пытаясь сбросить с себя наездника. Казалось, хрупкому эльфу не продержаться и секунды. Грей уже мысленно похоронил парня, но Лейвин держался на удивление крепко. Нашупав в колчане стрелу с отравленным наконечником, он без малейших колебаний вогнал её прямо в медвежий затылок!

Вспышка молнии расколола ночное небо. Ланьдун, свернувшись в своей скорлупе, то и дело проваливался в дрему, но каждый раскат грома заставлял его испуганно открывать глаза.

[Малыш, ты чего? Не спится?]

[Не бойся, ты в полной безопасности! qwq]

— И вовсе я не боюсь, — сердито буркнул дракончик, крепче сжимая лапками собственный хвост.

«Тогда почему ты забился под кровать?» — вертелось на языке у Системы, но озвучить эту мысль он так и не решился.

Стрелки часов давно миновали полночь. Эльф, ушедший на охоту ещё на закате, так и не вернулся. И пускай ушастый не выглядел совсем уж беспомощным, Ланьдуна терзали смутные предчувствия. Всё-таки на этот раз его противником был свирепый лесной хищник, а не жалкий трус Альп.

Перед сном он успел досконально изучить свежий выпуск «Ежедневной газеты Сино». Нарушитель спокойствия оказался матёрым трёхсотфунтовым монстром, на счету которого числился не один десяток загубленных жизней и полностью разрушенный крестьянский дом.

[Да брось, дракончик, он наверняка скоро вернётся!] — попытался утешить его Система. — **[И вообще, не стоит читать такие страсти на ночь глядя, а то кошмары сниться будут.]**

— Никакие это не страсти, — упрямо отрезал малыш.

В памяти невольно всплыли картины из невероятно далёкого прошлого. В ту пору он был самым настоящим чешуйчатым несмышлёнышем, который хвостиком бегал за родителями и то и дело спотыкался на ровном месте. Он отчаянно пытался не отставать, натручивая короткие лапки лишь ради того, чтобы уцепиться за кончик огромного родительского хвоста.

Для драконьего племени подобное воспитание считалось нормой. Драконы вообще не слишком обременяли себя заботой о потомстве. Свежевылупившегося детёныша первым делом тащили хвастаться перед бездетными сородичами, издевательски вопрошая: «А у тебя есть такой? Гляди, какой красавец, тебе-то не светит!» Но стоило первому восторгу утихнуть, как кроху предоставляли самому себе. Расти как хочешь.

Драконьи родители были существами ветреными и забывчивыми. Они частенько путали имена собственных детей, а порой и вовсе не могли вспомнить, который из копошащихся под ногами карапузов — их собственный. В таких условиях лучшим способом привлечь внимание предков было хорошенько огреть хвостом брата или сестру. За это давали лакомый кусок. Именно так Ланьдун и вырос главным задирой в округе.

Когда он переколошматил всех сверстников, пришёл черёд взрослых драконов устраивать потасовки: каждый из них внезапно решил, что именно Ланьдун — его гениальный отпрыск. Спор за право называться его родителями разгорелся с такой силой, что драконы едва не спалили дотла родную гору.

А потом, в одну из таких же бурных, грозowych ночей, его настоящие родители просто улетели. Погода совершенно не располагала к полётам, но эгоистичные, своенравные ящеры никогда не думали о последствиях. Их волновало лишь собственное удовольствие.

Дракончик в скорлупе резко распахнул глаза. Система испуганно отпрянул: на него смотрели хищные, налитые багрянцем вертикальные зрачки.

«Если он взял на себя роль моего родителя... Если он посмеет бросить меня и улететь... — глухо прорычал Ланьдун, — я лично его придушу».

Свежая вспышка озарила комнату. Но не успела Система испугаться грозного тона подопечного, как тот поспешно свернулся клубком, пряча голову под хвостом в ожидании неминуемого грохота. Огромные окна деревянного дома, днём дарившие обилие света, сейчас

превращали бурю снаружи в настоящий кошмар, усиливая страх в тысячу раз.

Будучи великим древним ящером, Ланьдун лишь посмеялся бы над жалкими искрами в небе. Но когда твоё тело размером с ладонь, любой шорох кажется грохотом преисподней.

Вспомнив про просторный платяной шкаф Лейвина, дракончик дождался затишья между раскатами и изо всех сил покатил своё яйцо к заветной цели.

Добравшись до шкафа, он принялся торопливо разрывать когтями удерживающую скорлупу липкую ленту. В этот миг ослепительная вспышка выжгла все краски из поднебесья. Следом грохнуло так, что где-то в чаще с жалобным треском рухнул вековой великан-дуб.

И в этот же миг скрипнула входная дверь.

Очередной сполох мертвенно-бледного света выхватил из темноты разломанную скорлупу на полу и застывшего посреди комнаты растерянного дракончика.

— Дубиду? — негромко позвал вошедший.

Новый раскат грома разорвал тишину с такой силой, что испуганный малыш пулей рванулся вперёд. Но не успел он пробежать и фута, как Лейвин подхватил его на руки, бережно прижимая к груди и закрывая ладонями крошечные ушки.

Стены дома дрожали под натиском разбушевавшейся стихии, а по крыше неистово барабанил ливень. Эльф, державший дракончика, был мокрым до нитки.

Когда гроза наконец немного утихла, Ланьдун пришёл в себя. Помимо запаха озона и мокрой одежды, он уловил металлический, солоноватый привкус... Кровь.

Очередная вспышка молнии высветила глубокую рану на руке Лейвина. Тёмно-алая кровь струилась по бледной коже запястья и крупными каплями падала на дощатый пол.

Мысли в голове дракончика испарились. Его сковал ступор. Всё кончено. Он укусил своего опекуна.

Ланьдун заметался, пытаясь зажать рану крохотной лапкой, и виновато прижал ушки, не смея поднять взгляд на эльфа.

Он слишком хорошо помнил своё прошлое. Подобное случалось сотни раз. Любое существо — будь то могучий дракон или мелкий зверь — в ответ на боль не задумываясь нанесло бы ответный удар.

Однако Лейвин даже не поморщился. Он не оттолкнул его, а лишь крепче прижал к себе, баюкая.

— Дубиду, — тихо прошептал Лейвин на корявом, смешном драконьем наречии. — С днём рождения. Добро пожаловать в этот мир.

<http://bllate.org/book/18363/1796799>